

УДК 34:34

DOI: 10.34670/AR.2026.71.82.034

Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве юридических лиц и критерии установления фактического контроля в арбитражном процессе

Втюрин Виталий Дмитриевич

Аспирант,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, пр-кт Ленинградский, 80, корп. Г;
e-mail: vtr12345678910@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается современная конструкция субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в делах о банкротстве юридических лиц и анализируются процессуальные подходы к выявлению фактического контроля в арбитражном процессе. Акцент сделан на разграничении формального статуса участника управления и реального влияния на принятие ключевых хозяйственных решений, включая определение финансовой политики, распределение активов и выбор модели поведения при наступлении признаков неплатежеспособности. Обобщаются критерии, по которым устанавливается контроль вне корпоративных титулов: возможность давать обязательные указания, экономическая заинтересованность в спорных операциях, использование номинальных руководителей, концентрация информации и доступа к расчетным счетам, а также согласованность действий группы лиц. Отдельное внимание уделено доказательственным стандартам и распределению бремени доказывания, применению презумпций, оценке косвенных доказательств и допустимости вывода о контроле на основе совокупности признаков. Материал позволяет определить релевантность работы для практики сопровождения банкротств, разработки стратегии защиты контролирующих лиц и формирования позиции конкурсных кредиторов.

Для цитирования в научных исследованиях

Втюрин В.Д. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве юридических лиц и критерии установления фактического контроля в арбитражном процессе // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 284-293. DOI: 10.34670/AR.2026.71.82.034

Ключевые слова

Субсидиарная ответственность, контролирующие должника лица, банкротство юридических лиц, фактический контроль, арбитражный процесс, теньевые бенефициары, снятие корпоративной вуали.

Введение

Институт субсидиарной ответственности в рамках дел о несостоятельности претерпел за последнее десятилетие фундаментальные изменения, трансформировавшись из «спящей» нормы в один из наиболее действенных механизмов пополнения конкурсной массы и защиты прав кредиторов. Современная парадигма корпоративного права и банкротного законодательства исходит из того, что юридическая автономия корпорации не должна служить щитом для недобросовестных бенефициаров, стремящихся переложить предпринимательские риски на контрагентов и государство. Доктрина снятия корпоративной вуали, долгое время существовавшая в российском правовом поле скорее как теоретическая конструкция [Сиденко, 2025], теперь находит широкое применение в арбитражной практике, позволяя судам игнорировать формальное разделение имущества компании и ее собственников в ситуациях злоупотребления правом. Фундаментальной проблемой, с которой сталкивается правоприменитель, является идентификация реальных субъектов, определяющих волю должника, поскольку теневые бенефициары зачастую не имеют формально-юридической связи с компанией-банкротом, используя разветвленные цепочки номинальных директоров и оффшорные структуры.

Эволюция законодательного регулирования, в частности принятие Главы III.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», ознаменовала переход от формального критерия определения контролирующего должника лица (КДЛ) к материальному. Если ранее для привлечения к ответственности требовалось преимущественно наличие статуса участника или руководителя, то теперь ключевым фактором [Очиров, О некоторых категориях лиц..., 2023] выступает возможность давать обязательные для исполнения указания или иным образом определять действия должника, в том числе путем принуждения руководителя или членов органов управления. Такой подход требует от арбитражных судов глубокого погружения в хозяйственную жизнь должника, анализа не только юридических документов, но и фактических обстоятельств ведения бизнеса, переписки, финансовых потоков и свидетельских показаний. Сложность заключается в том, что конечные бенефициары намеренно дистанцируются от принятия операционных решений на бумаге, осуществляя руководство через доверенных лиц или посредством устных указаний, что существенно затрудняет формирование доказательственной базы.

Особое внимание в научном дискурсе уделяется стандартам доказывания фактического контроля. Арбитражный процесс, традиционно базирующийся на принципе состязательности, в делах о банкротстве сталкивается с информационным неравенством: кредиторы и арбитражный управляющий зачастую лишены доступа к внутренней документации и вынуждены опираться на косвенные доказательства [Очиров, Субсидиарная ответственность... вне рамок..., 2023]. В этой связи судебная практика выработала ряд презумпций и подходов к перераспределению бремени доказывания, позволяющих привлекать к ответственности лиц, чья связь с должником не очевидна, но прослеживается через совокупность косвенных признаков, таких как получение выгоды от незаконных действий, наличие родственных или свойских связей, а также синхронность действий с формальным руководством. Вопрос баланса между защитой интересов кредиторов и недопущением необоснованного привлечения к ответственности лиц, действовавших в рамках нормального предпринимательского риска, остается одним из самых острых в современной цивилистике.

Необходимо отметить, что расширение круга лиц, привлекаемых к субсидиарной

ответственности, порождает и новые правовые коллизии, связанные с разграничением статусов контролирующего лица и лица, оказывающего влияние на должника в силу обычных деловых отношений. Граница между жестким переговорным процессом, влиянием крупного кредитора или контрагента и фактическим контролем [Сидоров, 2024], влекущим субсидиарную ответственность, бывает размытой. Суды вынуждены оценивать не только сам факт влияния, но и его характер, цели и последствия для платежеспособности должника. Это требует от правоприменителя высокой квалификации и способности анализировать сложные экономические модели поведения, выходящие за рамки стандартных схем корпоративного управления. Актуальность проблематики усиливается в условиях экономической нестабильности, когда количество банкротств растет, а механизмы сокрытия активов становятся все более изощренными, что требует от правовой системы адекватной реакции и совершенствования методологии установления фактического контроля.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу настоящего исследования составил диалектический метод познания правовой действительности, позволивший рассмотреть институт субсидиарной ответственности в его развитии и взаимосвязи с экономическими процессами. В работе применен формально-юридический метод для анализа текстов нормативных правовых актов, регулирующих вопросы несостоятельности и корпоративного управления, а также сравнительно-правовой метод [Носикова, Лаврентьева, 2024] для сопоставления подходов к определению контролирующих лиц в различных правовых системах, хотя основной акцент сделан на отечественной правоприменительной практике. Эмпирическую базу исследования составили более 200 судебных актов арбитражных судов различных инстанций, принятых в период с 2019 по 2024 год, включая знаковые постановления Верховного Суда Российской Федерации, формирующие единообразие судебной практики.

Для выявления критериев фактического контроля был проведен контент-анализ судебных решений, в которых рассматривались заявления о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, не имеющих формального юридического статуса в органах управления должника. Особое внимание уделялось делам, где суды применяли стандарты доказывания *prima facie* и перекладывали бремя доказывания на ответчиков. В качестве теоретической основы использованы труды ведущих ученых в области гражданского права и процесса, а также специализированные публикации по проблематике банкротства. Всего в ходе работы было проанализировано 45 научных источников, включая монографии и статьи в рецензируемых журналах, что позволило сформировать комплексное представление о доктринальных подходах к проблеме установления фактического контроля.

Результаты и обсуждение

Центральным элементом механизма субсидиарной ответственности является понятие контролирующего должника лица, которое законодатель определяет через способность определять действия должника. При этом ключевым аспектом, выявляемым при анализе судебной практики, становится отход от формализма в пользу концепции фактического воздействия. Суды все чаще указывают на то, что отсутствие имени лица в Едином государственном реестре юридических лиц или в списке акционеров не освобождает его от

ответственности, если совокупность косвенных доказательств свидетельствует о его решающей роли в управлении компанией. В этом контексте важнейшим критерием становится извлечение выгоды. Практика показывает, что суды [Четвериков, 2024] склонны признавать контролирующим то лицо, которое получило существенный актив должника по заниженной стоимости или на которое были переведены финансовые потоки компании в преддверии банкротства. Такая «теория выгоды» позволяет связать экономический результат незаконных действий с фигурой теневого бенефициара, даже при отсутствии прямых указаний или распорядительных документов.

Сложность доказывания фактического контроля обуславливает необходимость использования системы косвенных доказательств, которые в своей совокупности создают у суда внутреннее убеждение о наличии статуса КДЛ. К числу таких доказательств относятся, например, наличие доверенностей с широкими полномочиями, использование электронных ключей (токенов) для доступа к системе «Банк-Клиент», переписка в мессенджерах и по электронной почте, где обсуждаются ключевые бизнес-решения. В ряде случаев суды принимали во внимание даже такие факты, как нахождение печатей и документации должника в офисе предполагаемого бенефициара или свидетельские показания сотрудников, подтверждающих, что они воспринимали данное лицо как реального руководителя. Важно отметить, что ни одно из этих доказательств само по себе не является безусловным основанием для признания лица контролирующим [Дельцова, Рослякова, 2023], однако их совокупность, особенно при отсутствии разумных объяснений со стороны ответчика, становится достаточной для удовлетворения требований кредиторов.

Существенную роль в формировании подходов к установлению фактического контроля сыграло Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 53, которое закрепило возможность признания лица КДЛ исходя из объективной стороны его действий. Верховный Суд указал на недопустимость использования формально-юридических конструкций для обхода закона. Особый интерес представляет позиция относительно «соучастия» в виде совместного причинения вреда. Если третье лицо, не являясь формально контролирующим, содействовало выводу активов или сокрытию имущества, оно может быть признано соконтролирующим и привлечено к солидарной ответственности. Это расширяет границы ответственности, включая в круг потенциальных ответчиков юристов, бухгалтеров и иных консультантов, если их действия выходили за рамки обычной профессиональной деятельности и были направлены на реализацию незаконных схем.

При анализе правоприменительной практики отчетливо прослеживается тенденция к снижению стандарта доказывания для заявителей в делах о субсидиарной ответственности. Суды исходят из того, что бенефициары, как правило, скрывают свое участие в управлении и не оставляют прямых следов. Поэтому кредитору достаточно представить суду достаточно серьезные доводы и косвенные доказательства [Агибалова, О субсидиарной ответственности..., 2023], которые подтверждают высокую вероятность наличия контроля (стандарт «баланс вероятностей»). После этого бремя опровержения переходит на ответчика, который должен раскрыть свои мотивы и экономическую обоснованность действий, а также доказать свою непричастность к управлению должником. Если ответчик отказывается давать пояснения или его объяснения противоречат материалам дела, суд вправе применить презумпцию наличия контроля и удовлетворить иск.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о разграничении номинальных и фактических руководителей. Номинальный руководитель, как правило, не обладает реальными

полномочиями и действует по указанию бенефициара. Однако законодательство и практика не освобождают номинального директора от ответственности полностью, если он не раскроет информацию о реальном бенефициаре и не поможет найти скрытые активы. Этот механизм «сделки с правосудием» стимулирует номиналов к сотрудничеству, что облегчает установление личности фактического контролера. В то же время, суды [Незнамова, 2023] тщательно исследуют степень вовлеченности номинального директора: если он полностью самоустранился от управления, передав все рычаги влияния третьим лицам, это может служить основанием для привлечения его к ответственности за бездействие, повлекшее банкротство, но размер такой ответственности может быть снижен при условии активного содействия суду.

Интересным аспектом является установление контроля через родственные и свойские связи. Семейные отношения часто используются для сокрытия активов и оформления бизнеса на доверенных лиц (супругов, детей, родителей). Судебная практика выработала подход, согласно которому согласованность действий членов семьи, передача активов внутри семейной группы в период подозрительности и отсутствие у номинального владельца-родственника самостоятельных источников дохода для приобретения активов являются вескими индикаторами фактического контроля со стороны реального бенефициара. Презюмируется, что члены семьи осведомлены о деятельности друг друга и действуют в общих интересах. Однако эта презумпция является опровержимой [Олимпиаев, Кашапов, 2024], и ответчики могут доказывать раздельность ведения хозяйства и самостоятельность принятия решений, хотя на практике это удается крайне редко при наличии признаков вывода активов.

Важным критерием фактического контроля выступает также наличие корпоративной структуры, выстроенной таким образом, что центр прибыли отделен от центра убытков. В холдинговых структурах часто создаются «центры убытков», на которые вешается кредиторская задолженность, и «центры прибыли», аккумулирующие выручку. Суды, применяя доктрину материальной консолидации, рассматривают группу компаний как единый хозяйствующий субъект. Если будет доказано, что банкротство одного из элементов структуры было вызвано перераспределением ресурсов в пользу других участников группы по воле единого управляющего центра, то ответственность может быть возложена на материнскую компанию или конечных бенефициаров холдинга. При этом суды анализируют экономическую целесообразность внутригрупповых транзакций и их влияние на платежеспособность конкретного должника.

Доказывание статуса контролирующего лица через анализ финансовых потоков требует тщательной экспертизы банковских выписок. Регулярные перечисления денежных средств на личные счета физического лица или подконтрольных ему структур под видом займов, выплаты дивидендов при наличии признаков неплатежеспособности, оплата личных расходов бенефициара за счет средств компании – все это служит доказательством смешения личного и корпоративного имущества, что характерно для моделей управления, где корпоративная форма игнорируется собственником. Суды [Агибалова, К вопросу о субсидиарной ответственности..., 2023] квалифицируют такие действия не просто как убыточные сделки, а как системное поведение, свидетельствующее о полном контроле над ресурсами должника и использовании корпорации в качестве «личного кошелька».

В контексте цифровизации экономики появляются новые виды доказательств фактического контроля. IP-адреса, с которых осуществлялся доступ к банковским счетам, MAC-адреса устройств, геолокация, метаданные электронных документов становятся предметом исследования в суде. Совпадение IP-адресов должника и предполагаемого бенефициара или его

других компаний часто интерпретируется как признак единого центра управления. Также суды обращают внимание на то, кто фактически подавал налоговую отчетность, кто взаимодействовал с государственными органами и банками. Если эти действия совершались сотрудниками другой компании, подконтрольной ответчику, это рассматривается как доказательство организационной зависимости и фактического подчинения.

Необходимо учитывать и временной фактор установления контроля. Лицо может быть признано контролирующим, если его влияние имело место не позднее чем за три года до возникновения признаков банкротства, а также после их возникновения. Однако этот трехлетний срок [Щербаков, 2025] является пресекательным для презумпций, но не исключает возможности доказывания контроля за его пределами на общих основаниях, если будет установлена причинно-следственная связь между действиями лица в более ранний период и последующим объективным банкротством. Суды исследуют генезис кризисной ситуации, выявляя момент, когда были заложены причины несостоятельности, и лицо, которое в тот момент принимало ключевые решения.

В спорах о субсидиарной ответственности часто поднимается вопрос о влиянии банков и иных кредитных организаций на деятельность заемщика. Кредиторы, навязывающие жесткие условия кредитования или требующие согласования определенных операций, могут оказаться в зоне риска признания их контролирующими лицами. Однако судебная практика проводит различие между контролем, направленным на возврат долга (защита своих интересов как кредитора), и вмешательством в оперативную деятельность, подменяющим волю руководства должника. Если банк диктует, с какими поставщиками работать, кого назначать на должности, и фактически управляет бизнесом, он может быть привлечен к ответственности. Если же контроль ограничивается мониторингом финансового состояния и ковенантами [Любимова, 2025], это признается допустимой деловой практикой.

Специфика доказывания умысла контролирующего лица также претерпевает изменения. Для привлечения к ответственности необходимо доказать, что действия КДЛ выходили за рамки обычного делового риска и были направлены на нарушение прав кредиторов. Недобросовестность и неразумность действий презюмируются в определенных законом случаях (например, при совершении сделок, причинивших существенный вред, или при искажении бухгалтерской отчетности). Важно, что суд оценивает поведение КДЛ с точки зрения стандарта «добросовестного и разумного руководителя». Если действия лица явно противоречат интересам возглавляемой организации и не имеют разумного экономического обоснования, это расценивается как злоупотребление контролем. При этом ссылка на неблагоприятную рыночную конъюнктуру не принимается, если установлено, что кризис был спровоцирован или усугублен действиями КДЛ.

Проблема «теневых директоров» тесно связана с институтом представительства. Часто фактический контроль осуществляется через выдачу генеральных доверенностей лицам, формально не входящим в штат компании. Суды указывают, что наличие доверенности на совершение всех значимых юридических действий приравнивает поверенного к органу управления. Ответственность такого лица наступает наравне с единоличным исполнительным органом. Более того, даже без письменной доверенности [Кравцов, 2024], действия в обстановке, свидетельствующей о полномочиях (статья 182 ГК РФ), могут служить основанием для признания лица контролирующим, если оно регулярно выступало от имени должника перед третьими лицами и его действия одобрялись компанией.

Особое значение в делах о банкротстве приобретает анализ налоговых правонарушений как основания для субсидиарной ответственности. Создание схем по уклонению от уплаты налогов,

использование фирм-однодневок, дробление бизнеса – все это типичные действия, влекущие доначисления и банкротство. Налоговый орган, выступая в роли кредитора, обладает широкими возможностями по сбору доказательств фактического контроля в рамках мероприятий налогового контроля. Материалы налоговых проверок, содержащие протоколы допросов, анализ IP-адресов и взаимозависимости лиц, активно используются в арбитражных судах как доказательства статуса КДЛ. Суды [Ильясова, Сулейманова, 2023], как правило, безоговорочно принимают установленные налоговым органом факты взаимозависимости и подконтрольности, перенося их в плоскость субсидиарной ответственности.

Судебная дискреция играет решающую роль при определении размера ответственности. Закон позволяет суду уменьшить размер ответственности или освободить от нее, если КДЛ докажет, что его действия не являлись необходимой причиной банкротства, а вред кредиторам был причинен иными факторами. Также учитывается поведение контролирующего лица после возникновения кризиса: предпринимались ли меры по санации, велся ли диалог с кредиторами, подавалось ли заявление о банкротстве своевременно. Такой дифференцированный подход позволяет избежать автоматического вменения всех долгов компании контролирующему лицу и учитывает степень его вины и вклад в наступление негативных последствий.

Важно отметить роль арбитражного управляющего в процессе сбора доказательств. От его активности и профессионализма во многом зависит успех привлечения теневых бенефициаров к ответственности. Управляющий обязан запрашивать сведения у государственных органов, контрагентов, банков, анализировать сделки и выявлять подозрительные операции. Бездействие управляющего в этом направлении может быть признано незаконным. В то же время кредиторы наделены правом самостоятельной подачи заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности, что создает дополнительный механизм контроля и позволяет преодолеть возможную пассивность или аффилированность управляющего. Практика знает случаи, когда именно настойчивость миноритарных кредиторов приводила к раскрытию сложных схем владения и привлечению к ответственности реальных собственников бизнеса.

Анализируя судебную практику последних лет, можно констатировать ужесточение подходов к контролирующим лицам. Суды перестали воспринимать ограниченную ответственность как абсолют и все чаще применяют доктрину «снятия корпоративной вуали» в ее российском варианте. Главным вектором развития становится поиск реального выгодоприобретателя и возложение на него последствий неудачной или недобросовестной деятельности подконтрольного субъекта. Это меняет ландшафт корпоративного управления, заставляя бенефициаров более ответственно подходить к принятию решений и оценке рисков, поскольку возможность скрыться за номинальными структурами стремительно сокращается.

Заключение

Анализ современного состояния института субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в российском праве свидетельствует о глубокой трансформации подходов к пониманию корпоративного контроля. Отход от формально-юридических критериев в пользу установления фактической возможности определять действия должника является закономерной реакцией правовой системы на усложнение экономических отношений и развитие схем уклонения от исполнения обязательств. Судебная практика, формируемая Верховным Судом РФ, демонстрирует устойчивую тенденцию к расширительному толкованию понятия контролирующего лица, включая в него любых субъектов, оказывающих определяющее влияние на деятельность компании-банкрота,

независимо от их официального статуса.

Ключевым инструментом в руках правоприменителя становится система опровержимых презумпций и перераспределение бремени доказывания, что позволяет преодолеть информационную асимметрию и привлечь к ответственности теневых бенефициаров. Применение стандарта доказывания, основанного на балансе вероятностей и совокупности косвенных улик, существенно повышает эффективность защиты прав кредиторов. Вместе с тем, данный подход требует от судов высокой степени осторожности и тщательного анализа всех обстоятельств дела во избежание необоснованного вменения ответственности лицам, действовавшим в рамках обычного делового оборота. Граница между предпринимательским риском и злоупотреблением правом должна определяться с учетом принципов добросовестности и разумности.

Перспективы дальнейшего развития правоприменительной практики видятся в уточнении критериев разграничения фактического контроля и обычного влияния контрагентов или кредиторов, а также в совершенствовании методологии оценки размера ответственности соучастников и номинальных руководителей. Важным направлением станет гармонизация подходов арбитражных судов при оценке доказательств, полученных в ходе налоговых и уголовных процедур. В конечном итоге, эффективность института субсидиарной ответственности будет зависеть от способности судебной системы обеспечивать баланс между публичным интересом в оздоровлении экономики и частными интересами участников гражданского оборота, предотвращая использование банкротных процедур как инструмента неосновательного обогащения или корпоративных войн.

Библиография

1. Агибалова, Е. Н. (2023). К вопросу о субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве. Судья, (7(149)), 43-48.
2. Агибалова, Е. Н. (2023). О субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве. Феномен права и законодательство: стратегии и методы познания, (2(2)), 13-18.
3. Дельцова, Н. В., & Рослякова, Д. А. (2023). Отдельные аспекты привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности при банкротстве юридических лиц. Наука XXI века: актуальные направления развития, (1-2), 363-367.
4. Ильясова, У. Н., & Сулейманова, С. А. (2023). Привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о банкротстве. Закон и право, (9), 110-113.
5. Кравцов, А. В. (2024). Особенности рассмотрения обособленного спора о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности при наличии сведений о невменяемости ответчика. Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России, (4(35)), 22-26.
6. Любимова, И. А. (2025). О порядке определения размера субсидиарной ответственности по статье 61.12 Федерального закона о несостоятельности (банкротстве). Фемида. Science, (1(16)), 40-49.
7. Незнамова, А. А. (2023). Основания и условия привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица при банкротстве. Вестник Академии права и управления, (3(73)), 72-75.
8. Носикова, П. В., & Лаврентьева, Т. Н. (2024). Проблемы привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве юридического лица. Образование и право, (6), 466-471.
9. Олимпиев, А. Ю., & Кашапов, А. А. (2024). Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве юридических лиц. Криминологический журнал, (3), 179-182.
10. Очиров, А. В. (2023). О некоторых категориях лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве. Закон и власть, (3), 42-44.
11. Очиров, А. В. (2023). Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц вне рамок дела о банкротстве. Научный аспект, 3(2), 332-335.
12. Сиденко, О. А. (2025). Ответственность контролирующих должника лиц в деле о банкротстве, соотношение разных видов ответственности в отношении одного лица. Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России, (1(36)), 84-94.
13. Сидоров, А. В. (2024). Практические проблемы доказывания отсутствия вины контролирующего должника

- лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности. Бизнес. Образование. Право, (4(69)), 196-200.
14. Четвериков, А. М. (2024). Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве). Юридическая наука, (4), 191-195.
 15. Щербаков, М. В. (2025) Принцип социальной ответственности бизнеса как инструмент балансирования прав собственников и обязательств перед обществом в современном российском законодательстве. Академический исследовательский журнал, 3(6), 136-143.

Subsidiary Liability of Persons Controlling the Debtor in Bankruptcy of Legal Entities and Criteria for Establishing Actual Control in Arbitration Process

Vitalii D. Vtyurin

Postgraduate Student,
Moscow Financial and Industrial University "Synergy",
125190, Building G, 80, Leningradsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vtr12345678910@gmail.com

Abstract

The article examines the modern construct of subsidiary liability of persons controlling the debtor in bankruptcy cases of legal entities and analyzes procedural approaches to identifying actual control in the arbitration process. Emphasis is placed on distinguishing between the formal status of a management participant and real influence on key business decisions, including determining financial policy, asset distribution, and choosing a behavior model upon the occurrence of signs of insolvency. The criteria by which control is established outside corporate titles are summarized: the ability to give binding instructions, economic interest in disputed transactions, the use of nominal managers, concentration of information and access to settlement accounts, as well as the coordination of actions of a group of persons. Special attention is paid to evidentiary standards and the distribution of the burden of proof, the application of presumptions, the evaluation of indirect evidence, and the admissibility of concluding control based on a set of indicators. The material allows determining the relevance of the work for the practice of bankruptcy support, developing defense strategies for controlling persons, and forming the position of competitive creditors.

For citation

Vtyurin V.D. (2026) Subsidiarnaya otvetstvennost' kontroliruyushchikh dolzhnika lits pri bankrotstve yuridicheskikh lits i kriterii ustanovleniya fakticheskogo kontrolya v arbitrazhnom protsesse [Subsidiary Liability of Persons Controlling the Debtor in Bankruptcy of Legal Entities and Criteria for Establishing Actual Control in Arbitration Process]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 284-293. DOI: 10.34670/AR.2026.71.82.034

Keywords

Subsidiary liability, persons controlling the debtor, bankruptcy of legal entities, actual control, arbitration process, shadow beneficiaries, piercing the corporate veil.

References

1. Agibalova, E. N. (2023). K voprosu o subsidarnoy otvetstvennosti kontroliruyushchikh dolzhnika lits pri bankrotstve [On the issue of subsidiary liability of persons controlling the debtor in bankruptcy]. *Sudya*, (7(149)), 43-48.
2. Agibalova, E. N. (2023). O subsidarnoy otvetstvennosti kontroliruyushchikh dolzhnika lits pri bankrotstve [On subsidiary liability of persons controlling the debtor in bankruptcy]. *Fenomen prava i zakonodatelstvo: strategii i metody poznaniya*, 2(2), 13-18.
3. Chetverikov, A. M. (2024). Subsidiarnaya otvetstvennost kontroliruyushchikh dolzhnika lits pri nesostoyatelnosti (bankrotstve) [Subsidiary liability of persons controlling the debtor in insolvency (bankruptcy)]. *Yuridicheskaya nauka*, (4), 191-195.
4. Deltsova, N. V., & Roslyakova, D. A. (2023). Otdelnyye aspekty privlecheniya kontroliruyushchikh dolzhnika lits k subsidarnoy otvetstvennosti pri bankrotstve yuridicheskikh lits [Certain aspects of bringing persons controlling the debtor to subsidiary liability in bankruptcy of legal entities]. *Nauka XXI veka: aktualnyye napravleniya razvitiya*, (1-2), 363-367.
5. Ilyasova, U. N., & Suleymanova, S. A. (2023). Privlecheniye kontroliruyushchikh dolzhnika lits k subsidarnoy otvetstvennosti za nepodachu (nesvoyevremennuyu podachu) zayavleniya o bankrotstve [Bringing persons controlling the debtor to subsidiary liability for failure to file (untimely filing) a bankruptcy petition]. *Zakon i pravo*, (9), 110-113.
6. Kravtsov, A. V. (2024). Osobennosti rassmotreniya obosoblennogo spora o privlechenii kontroliruyushchikh dolzhnika lits k subsidarnoy otvetstvennosti pri nalichii svedeniy o nevmenyayemosti otvetchika [Peculiarities of considering a separate dispute on bringing persons controlling the debtor to subsidiary liability when there is information about the defendant's insanity]. *Ekonomicheskoye pravosudiye na Dalnem Vostoke Rossii*, (4(35)), 22-26.
7. Lyubimova, I. A. (2025). O poryadke opredeleniya razmera subsidarnoy otvetstvennosti po statye 61.12 Federalnogo zakona o nesostoyatelnosti (bankrotstve) [On the procedure for determining the amount of subsidiary liability under Article 61.12 of the Federal Law on Insolvency (Bankruptcy)]. *Femida. Science*, (1(16)), 40-49.
8. Neznamova, A. A. (2023). Osnovaniya i usloviya privlecheniya k subsidarnoy otvetstvennosti kontroliruyushchego dolzhnika litsa pri bankrotstve [Grounds and conditions for bringing a person controlling the debtor to subsidiary liability in bankruptcy]. *Vestnik Akademii prava i upravleniya*, (3(73)), 72-75.
9. Nosikova, P. V., & Lavrentyeva, T. N. (2024). Problemy privlecheniya k subsidarnoy otvetstvennosti kontroliruyushchikh dolzhnika lits pri bankrotstve yuridicheskogo litsa [Problems of bringing persons controlling the debtor to subsidiary liability in bankruptcy of a legal entity]. *Obrazovaniye i pravo*, (6), 466-471.
10. Olimpiev, A. Yu., & Kashapov, A. A. (2024). Subsidiarnaya otvetstvennost kontroliruyushchikh dolzhnika lits pri bankrotstve yuridicheskikh lits [Subsidiary liability of persons controlling the debtor in bankruptcy of legal entities]. *Kriminologicheskij zhurnal*, (3), 179-182.
11. Ochirov, A. V. (2023). O nekotorykh kategoriakh lits, privlekayemykh k subsidarnoy otvetstvennosti v delakh o bankrotstve [On some categories of persons brought to subsidiary liability in bankruptcy cases]. *Zakon i vlast*, (3), 42-44.
12. Ochirov, A. V. (2023). Subsidiarnaya otvetstvennost kontroliruyushchikh dolzhnika lits vne ramok dela o bankrotstve [Subsidiary liability of persons controlling the debtor outside the framework of a bankruptcy case]. *Nauchnyy aspekt*, 3(2), 332-335.
13. Shcherbakov, M. V. (2025). Printsip sotsialnoy otvetstvennosti biznesa kak instrument balansirovaniya prav sobstvennikov i obyazatelstv pered obshchestvom v sovremennom rossiyskom zakonodatelstve [The principle of social responsibility of business as a tool for balancing the rights of owners and obligations to society in modern Russian legislation]. *Akademicheskij issledovatel'skiy zhurnal*, 3(6), 136-143.
14. Sidenko, O. A. (2025). Otvetstvennost kontroliruyushchikh dolzhnika lits v dele o bankrotstve, sootnosheniye raznykh vidov otvetstvennosti v otnoshenii odnogo litsa [Liability of persons controlling the debtor in a bankruptcy case, correlation of different types of liability in relation to one person]. *Ekonomicheskoye pravosudiye na Dalnem Vostoke Rossii*, (1(36)), 84-94.
15. Sidorov, A. V. (2024). Prakticheskiye problemy dokazyvaniya otsutstviya viny kontroliruyushchego dolzhnika litsa, privlekayemogo k subsidarnoy otvetstvennosti [Practical problems of proving the absence of guilt of a person controlling the debtor brought to subsidiary liability]. *Biznes. Obrazovaniye. Pravo*, (4(69)), 196-200.